

Текст · 26 октября 2026, 10:44

Дарья Серегина,

Случайный взрыв, потерянные вещдоки и сроки больше 20 лет. Что не так с делом о терактах на «референдуме» в Мелитополе

В прошлую пятницу Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону **вынес** приговор гражданам Украины Роману Зарубаеву и Артуру Нестеренко — 24 и 23 года строгого режима соответственно. Если верить ФСБ, осенью 2022 года они устроили в оккупированном Мелитополе два взрыва, чтобы помешать «референдуму» о присоединении Запорожской области к России. Мелитопольцы настаивают, что взрыв был один — в квартире самого Нестеренко, и что они оговорили себя, не выдержав пыток в секретных тюрьмах. При этом ключевой для обвинения вещдок — телефоны с переписками — якобы потерялся во время судебного процесса. «Медиазона» приводит обе версии событий.

Летом 2022 года 24-летний^[1] мелитополец Роман Зарубаев потерял работу в магазине. В октябре ему в личку написала виртуальная знакомая, с которой Роман общался в городских чатах — ее ник состоял «из букв и цифр», а «называть имя и присылать фото она отказывалась».

«Она мне сказала, что есть возможность заработать деньги. Нужно будет всего лишь забрать пакет и перенести его в другое место», — объяснял Зарубаев.

Девушка разрешила взять с собой приятеля — 27-летний^[2] Артур Нестеренко тоже сидел без работы.

7 октября они выполнили задание. В пакете оказались белая борсетка и еще один пакет с неизвестным содержимым. Борсетку попросили на время оставить у себя, ее положили в квартире Нестеренко. Пакет, который на следующий день нужно было доставить по новому адресу, Зарубаев отнес к отцу: держать его вместе с борсеткой заказчики запретили. За работу каждому пообещали по 10 тысяч гривен^[3].

Вечером Зарубаев вернулся к Нестеренко. Около десяти, когда Зарубаев был на кухне, а Нестеренко вышел в комнату, в квартире прогремел взрыв. Как говорил потом Нестеренко, он пришел в себя на полу — вокруг были дым и пыль. Тогда он не понимал, что взорвалось, а позже вспоминал, что на кухне стоял восьмилитровый баллон газа.

Приятеля «очень сильно испугались, плохо понимали, что происходит, и приняли решение убежать» домой к Зарубаеву. На следующий день обоих задержали.

Так в октябре 2026 года, уже будучи обвиняемыми по пяти статьям российского Уголовного кодекса и давая показания в Южном окружном военном суде, излагали предысторию своих бедствий сами мелитопольцы. У ФСБ была другая версия событий.

Обвинение

Согласно обвинению, Зарубаев и Нестеренко действовали «в составе террористического сообщества», которое не позже 5 сентября 2022 года создали «неустановленные лица»^[4], в том числе, обладатели ников «Фокси», «Мара»^[5] и «Охотник».

Участниками «сообщества» должны были стать люди, «склонные к совершению противоправных действий»^[6] и твердо убежденные «в недопустимости вхождения Запорожской области в состав России и толковании СВО как акта агрессии России в отношении Украины».

Не позже 5 сентября 2022 года куратор с ником «Фокси» «вовлек» в деятельность «террористического сообщества» Зарубаева, а он, в свою очередь, Нестеренко, которого «дополнительно мотивировал денежным вознаграждением».

Переписка с кураторами велась в мессенджере *Threema Work*^[7]. 6 сентября Зарубаев получил от «Мары» задание — подорвать «представителя федеральных органов власти России» за 10 тысяч гривен. Зарубаев рассказал о задании Нестеренко, тот предложил свою знакомую Анну Струкову — члена участковой комиссии на «референдуме о вхождении Запорожской области в состав России», который оккупационные власти назначили на 23-27 сентября. «Мара» одобрила выбор цели.

На следующий день она поручила Зарубаеву новое задание — устроить взрыв недалеко от мелитопольской школы, в которой должен был открыться избирательный участок. Оплату

пообещали такую же, как в первый раз — по 10 тысяч гривен.

7 сентября «Мара» отправила Зарубаеву координаты тайников с СВУ и инструкции по их применению. Вечером Нестеренко заложил одну из бомб замедленного действия у ворот дома Струковой, а Зарубаев другую возле забора СОШ №15. У дома Струковой в результате оказались повреждены столб, бетонная дорожка, замок, калитка и пять листов металлического забора. На допросе у следователя она сказала, что все это «обеспечивало безопасность ее и ребенка», ущерб оценили в 21 тысячу рублей. Взрыв у школы, в свою очередь, «поставил под угрозу» проведение «референдума» и «нормальное функционирование учебного заведения», а также привел к «устрашению» мелитопольцев.

Наконец, не позже 7 октября Зарубаев получил от «Охотника» инструкцию по изготовлению СВУ, а Нестеренко, «имея практические умения»^[8], собрал его «путем проводного соединения взрывчатого вещества с электродетонатором и подключением к нему пульта управления по радиоканалу». Не позже 23:55 в тот же день устройство «по неустановленным причинам» сработало в квартире Нестеренко, благодаря чему силовики смогли «обнаружить и изобличить» приятелей.

Официально Зарубаева и Нестеренко задержали 12 октября. Во время обысков у них в квартирах нашли боеприпасы, оружие, взрывчатые вещества и компоненты для СВУ. Среди изъятого упоминались электродетонаторы, брикеты C-4^[9],

пистолет Макарова, 74 патрона к нему, три гранаты РГО, граната Ф-1 и фугасная мина. Мелитопольцы забирали их из тайников, координаты которых передавал «Охотник». Заинтересовали силовиков и другие предметы — у Зарубаева изъяли, например, топографическую карту Запорожской области и листовки с надписью «Я говорю по-русски временно».

Зарубаева и Нестеренко обвиняли в участии в террористическом сообществе^[10], теракте, совершенном группой лиц по предварительному сговору и повлекшем тяжкие последствия^[11], незаконном изготовлении^[12] и хранении^[13] взрывчатых веществ организованной группой. Нестеренко кроме того вменили незаконное хранение огнестрельного оружия^[14], а Зарубаеву — еще один теракт^[15].

На стадии следствия они оба давали признательные показания.

Признание

Когда в октябре 2023 года дело поступило на рассмотрение Южного окружного военного суда, подсудимые заявили о пытках. Нестеренко рассказал, что ему «сломали нос», а «после удара прикладом автомата» у него было «сотрясение мозга», из-за чего «первое время» он находился «в состоянии контузии».

Оба мелитополца при этом подтверждали свои признательные показания на следствии — только

уточняли, что не должны были навредить гражданским и не считают себя террористами. В один голос Зарубаев и Нестеренко настаивали, что выполняли «задание командования» — «онлайн» заключили контракт с ГУР Украины и до сих пор «числятся как действующие военнослужащие». Нестеренко называл себя «младшим оперативным работником», но добавлял, что из-за «документа о неразглашении» не может сказать, с кем именно подписывал контракт. Зарубаев утверждал, что сначала работал в СБУ, а потом стал внештатным сотрудником ГУР.

В августе 2024 года судья Денис Галкин решил направить дело прокурору Запорожской области — счел, что есть основания квалифицировать действия Зарубаева и Нестеренко «как более тяжкое преступление». В итоге их обвинили в участии в террористическом сообществе^[16]-

, незаконном изготовлении^[17] и хранении^[18]

взрывчатых веществ организованной группой и международном терроризме^[19]. Зарубаеву также вменили второй эпизод международного терроризма-^[20], а Нестеренко — незаконное хранение

огнестрельного оружия^[21].

В январе 2025 года судья Максим Никитин начал рассматривать дело заново.

Знакомство

«В конце февраля 2022 года мою страну и мой город включительно в четыре утра обстреляли

баллистическими ракетами», — говорил в октябре 2026 года Зарубаев, давая показания уже на новом процессе. Коренной мелитополец, он «всю жизнь» говорил на русском, что не мешало «спокойно перемещаться по всей стране».

Когда началась война, вспоминал Зарубаев, Мелитополь охватила паника, и «никто не знал, что происходит». В первые же дни^[22]—

^[23] «непонятные люди в военной форме под угрозой насилия зашли в город» и «вооруженным путем захватили власть». Машины, технику и электронику «увозили из города в неизвестном направлении», магазины «разворовывали», а над мирными населением «издевались». «Того, кто не хотел отдавать [свое имущество], пытали и убивали, стреляли по безоружным людям и насиловали несовершеннолетних детей», — продолжал Зарубаев.

Множились телеграм-чаты: в них мелитопольцы просили земляков о помощи с продуктами и лекарствами и просто «морально поддерживали друг друга». Весной Зарубаев не смог найти магазин, где сигареты еще не «разворованы», и попросил подсказки в одном из таких чатов.

Откликнулся Артур Нестеренко. В 2013 году он получил 10 лет колонии за разбой^[24], но к тому моменту уже освободился и готовился стать отцом^[25]. Нестеренко оказался соседом Зарубаева по району, они стали общаться.

Летом Нестеренко позвал Зарубаева вместе пройтись по магазинам. По дороге их остановили «люди

в военной форме». «Они начали задавать глупые вопросы, проверять наши телефоны. А так как мы с Артуром всю жизнь прожили в независимом свободном правовом государстве, в котором конституция действительно превыше всего, нам не понравились действия военных, и мы были возмущены», — объяснял в суде Зарубаев. Обоих забрали в военную комендатуру, но, проверив телефоны, отпустили.

Вскоре за нарушение комендантского часа Зарубаева задержали во второй раз. «Комната была четыре на три метра, без окон, еды, воды и туалета. Нас было 14 человек. Когда я встал, я слышал, что через дверь избивали какого-то парня, я не знаю, за что. Со мной в комнате сидел на тот момент батюшка, которого там держали четыре дня без еды и воды просто за то, что он молился», — вспоминал Зарубаев ночь, проведенную в военной комендатуре. Утром его отпустили.

Артур Нестеренко. Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Задержание

8 октября кто-то постучал в дверь квартиры Зарубаева, куда они с Нестеренко убежали накануне после злополучного взрыва.

«Я шел открывать, и на моих глазах дверь вылетела вместе с рамой», — вспоминал Зарубаев. Нестеренко

сказал, что испытал «шок». Его сразу начали «без цели» избивать, в том числе, били ногой в пах.

«Было очень много людей, в гражданской форме и в военной, все были в масках и с оружием. Я вышел в поле зрения, чтобы меня было видно, поднял руки и сказал, что я не собираюсь сопротивляться», — рассказывал в суде Зарубаев. Никто из силовиков не представился.

Зарубаева «повалили на пол», «заломали ему руки» и «начали избивать» — «ногами и руками, по всему телу, голове и лицу». «Человек с нерусским акцентом» кричал, что сейчас его «изнасилуют палкой», и пытался «пихать палку через штаны».

«Мне на голову надели полиэтиленовый пакет. Я старался не дышать, так как меня начали душить, но воздух все-таки нужен был, поэтому я несколько раз вдохнул и ощутил химический едкий запах. После этого я все уже очень плохо помню, так как у меня начались проблемы с памятью и вестибулярным аппаратом^[26]», — вспоминал Зарубаев. Он рассказал, что в доме его отца остался пакет. Силовики повезли его туда. Отец видел, в каком он состоянии, и «приносил воду, чтобы отмыть кровь на лице».

Пытки

Как изымали пакет, Зарубаев не видел. Как он узнал позже, из дома отца его, как и Нестеренко, повезли в здание бывшего мелитопольского ПТУ-24-^[27]. Летом 2022 года во дворе училища стали замечать российскую военную технику. Позже, по данным

украинских журналистов, здание стали использовать как «одну из пыточных ФСБ».

В подвале ПТУ силовики потребовали, чтобы Зарубаев «все рассказал» — он рассказал, но «этого было мало». «Сказали подписывать пустые листы», услышав отказ, начали «бить головой об стол».

«Я сказал, что имею право на звонок и адвоката, на что мне сказали, что в вашей стране у меня нет никаких прав, и начали бить меня током. В итоге я подписал все, что они хотели», — вспоминал в суде Зарубаев. В первые месяцы оккупации взрывов в городе было «очень много» — он предполагал, что на них с Нестеренко решили «повесить» все диверсии в их районе.

В ПТУ от Зарубаева требовали признать, что он общался с «Фокси», хранил в пакете взрывчатку^[28] и планировал подорвать школу. Его «постоянно били руками и ногами, током, угрожали отцу и любимой девушке».

В один из дней Зарубаева «вывезли на лесополосу», «бросили в яму и сказали, что можно кричать, сколько угодно, никто не услышит». Его снова били током и требовали «соглашаться с тем, что говорят». «Я до последнего не соглашался, но у всех есть какой-то физический и моральный предел. Я понимал, что скоро умру, если буду отказываться от всего. А мне было в тот момент 24 года. Я очень хотел жить», — рассказывал Зарубаев.

В другой раз человек «в военной форме и маске», угрожая убить его отца, заставил Зарубаева «давать

интервью» — перед камерой «рассказывать все, что было написано на бумажке: что я сотрудник каких-то органов Украины и что я против российской власти». За кадром осталось «много людей с оружием, в военной форме и гражданской одежде». [Видео](#), на котором Зарубаев и Нестеренко пересказывают версию силовиков, ГУВД Запорожской области передало российскому Пятому каналу — на записи видно, как сильно они избиты. Зарубаева в ролике называют Зубаревым.

«А потом меня вывели, сняли мешок с головы, положили на стол передо мной пистолет. И сказали, что я им надоел из-за того, что я не соглашаюсь со всем. А им для того, чтобы завести уголовное дело, хватит и одного Артура. Поэтому меня сейчас вывезут за город, застрелят и бросят в общую яму к остальным таким же. А оформят все как мою попытку к бегству», — вспоминал Зарубаев. Он «согласился» со всем, чего хотели силовики, «хоть и не понимал в тот момент, с чем именно» соглашается. «Правду обо всем» Зарубаев надеялся рассказать в суде.

В ноябре Зарубаева и Нестеренко отвезли в здание на улице Чернышевского в Мелитополе — силовики называли это место «ИВС». По [данным](#) украинских журналистов, там, в помещениях бывшего 6-го отдела ОБОП, располагалась одна из первых пыточных тюрем, созданных российскими силовиками.

«Там кроме камер с бетонным полом (в некоторых даже матрасов не было) во дворе были морские контейнеры, где держали одну из пленных, с которой мне лично довелось записать интервью. Под палящими лучами солнца металлическая

конструкция нагревалась так, что человек ощущал себя на раскаленной сковороде», — рассказывала РИА «*Південь*» журналистка из Мелитополя Светлана Зализецкая.

По словам Зарубаева, некоторых задержанных там действительно держали «во дворе в металлическом контейнере где-то четыре на три метра и высотой два метра». Их не кормили и не поили, а некоторых «военные в масках», приезжавшие из «ДНР», «расстреливали прямо в камере». Зарубаев запомнил человека, который представился бойцом «ЧВК Вагнера» — остальные силовики не называли ни имен, ни места службы.

В «ИВС» у Зарубаева начались проблемы со здоровьем — тогда к нему из-за «предынсультного состояния» впервые приехала скорая. Только спустя несколько лет, уже в СИЗО в Ростове-на-Дону, ему диагностировали гипертонию и «назначили курс таблеток».

С марта по октябрь 2023 года Зарубаева возили из СИЗО в СИЗО — то в Симферополе, то в Чонгаре. В Симферополе его били и применяли электрошокер, в Чонгаре — тоже «издевались». «Там каждую неделю выводили всех, избивали ногами, руками, шокерами, заставляли ползать по коридору», — свидетельствовал в суде Зарубаев. По его словам, одного из задержанных «нерусской национальности» сотрудники изолятора в Чонгаре «забили до смерти» — из-за этого «на следующий день его собирались штурмовать люди из батальона "Ахмат"». Нестеренко вспоминал, что однажды во время допроса «сидел на коленях на голом полу».

Спустя довольно долгое время после задержания у них с Зарубаевым появились адвокаты по назначению. Зарубаев запомнил, что защитник Артеменко^[29] отказал ему в конфиденциальном разговоре, «сказал, чтобы соглашался со всем и подписывал документы», и «нецензурно выражался» в адрес его родных. «Он говорил, что ему приходится защищать таких тварей, как я, чем нарушал адвокатскую этику вашей страны», — продолжал Зарубаев. Когда его привезли в суд на продление ареста, Зарубаев хотел отказаться от услуг Артеменко, но судья не разрешил.

Ознакомиться с делом Зарубаеву, как и Нестеренко, не дали — «сказали, что до этого не читал ничего и сейчас не буду».

Позже в дело вошли защитники по соглашению. В мае 2024 года они подали заявление о превышении должностных полномочий «неустановленными сотрудниками правоохранительных органов». 26

июня 2024 года СУ СК по Запорожской области отказало в возбуждении уголовного дела. Следователь допросил только четверых понятых, которые участвовали в следственных действиях, и не получил от них никакой «информации о противоправных деяниях».

«Я так и не понял, как это произошло, что нас пытали в Запорожской области и расследование наших пыток направили туда же. То есть расследование провели те же люди, кто нас и пытал, получается», — удивлялся Зарубаев.

Доказательства

На первом процессе Зарубаев и Нестеренко называли себя агентами ГУР, а на втором отказались от этих показания. По словам Нестеренко, уже в СИЗО-1 в Ростове-на-Дону «сотрудники правоохранительных органов периодически выдергивали их для разговоров». Они «советовали» говорить, что оба приятеля «работали на структуры Украины», чтобы их «быстрее поменяли домой» — «типа по-другому это не работает». «Прошло много лет, лучше не стало, значит, кто-то кого-то обманул», — подытожил Нестеренко. «Мы решили просто говорить правду», — согласился с ним Зарубаев.

Зарубаев настаивал, что «дело выдуманно на ходу» и «никаких доказательств в нем нет». В октябре 2022 года он вместе «с сотрудниками» ездил «на следственные действия» к школе, где, по утверждению следствия, устроил взрыв. По словам Зарубаева, охранник «очень удивился», когда узнал об этом: взрыва никто не заметил, а эксперты

«не обнаружили на месте никаких доказательств». Согласно протоколу осмотра места происшествия от 20 октября 2022 года, у школы обнаружили только «следы гари» и «отсутствие нижней части» изгороди.

Согласно материалам дела, в телефонах Зарубаева и Нестеренко нашли «сообщения, имеющие значение для уголовного дела». При этом сообщение приводится только одно — 9 октября, уже после фактического задержания, «Роман» якобы написал в телеграме контакту «Квартиросъем»: «Были у Артура на квартире, собирали устройство, пульт активировался сам, и оно сработало реально».

Зарубаев просил суд исследовать упомянутые в деле телефоны, чтобы участники процесса могли убедиться, «что там нет никаких сообщений и предложений». Ответа на запрос в СУ СК по Запорожской области в суде ждали несколько месяцев, потом следователи написали, что «в настоящее время их^[30] местоположение не установлено». «Равно потеряны, если читать между строк», — подытожил судья.

Зарубаев отмечал, что при обыске у него не было понятых, а в протоколе не зафиксировано изъятие часов, наушников, принтера, айфона, системного блока и другой техники.

Он отказался признавать вину, Нестеренко признал только «факт наличия» у него оружия^{[31][32][33][34]} и взрывчатки. Он рассказал, что в конце сентября 2022 года его знакомый Сергей Пятигорский, живущий за границей, попросил его взять на временное хранение свои вещи — и «через день-два к дому подвезли два

или три мешка стройматериалов». Нестеренко не проверял, что было внутри, и не знает, кто привез вещи — просто отнес мешки в сарай. Как отмечал его защитник, при первом обыске силовики даже с собаками не нашли там взрывчатки. Адвокат также обращал внимание, что перечень предметов, которые Нестеренко якобы забирал из тайников, «вдвое больше» списка изъятого — при этом перечисленные в деле места тайников находятся в поле зрения камер.

По словам защитника, потерпевшая Струкова не объяснила, откуда она знает, что СВУ у ее дома подорвали Зарубаев и Нестеренко. Он также отметил, что потерпевшая Наталья Вагеник стала директором СОШ №15 лишь в 2024 году. В момент взрыва она была учителем математики и, согласно ее показаниям, только слышала о случившемся от коллег.

Отметил защитник и то, что эксперты не доказали причастность Зарубаева и Нестеренко к созданию СВУ и даже точный способ их изготовления — согласно заключениям, бомбы были изготовлены, «вероятно», самодельным способом.

Под конец заседания, на котором Зарубаев и Нестеренко рассказали о пытках, они попросили суд считать их возможный отказ от защитников признаком возобновившегося насилия.

«Я прекрасно понимаю, что после всего мною сказанного меня смогут избивать и издеваться надо мной в колонии и в местах моего содержания. Ведь я гражданин Украины, и защиты у нас тут никакой нет. Но я не могу молчать и врать вам всем. Хоть я и осознаю, что никогда больше из-за этого не увижу

свою семью и, возможно, умру у вас в стране», — сказал Зарубаев.

Приговор

Перед прениями защитники попросили еще раз проверить заявления обвиняемых о пытках. Адвокат Нестеренко ходатайствовал и о почерковедческой экспертизе: его подзащитный сказал, что расписывался в протоколах «буквально несколько раз», а большинство подписей под показаниями — не его. В обоих ходатайствах судья отказал, решив, что в этом нет необходимости — чтобы принять решение по делу, доказательств достаточно.

Прокурор запросил Нестеренко 28, а Зарубаеву — 29 лет лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме. Смягчающим обстоятельством он назвал «активное способствование раскрытию преступления» на следствии, а отягчающим — то, что оно совершено «в условиях проведения боевых действий».

В последнем слове Зарубаев говорил о предвзятости следствия и суда к его «личности и гражданству». «Ваша честь, я уже четыре года подвергаюсь предвзятому отношению лишь на основе моего национального признака. Я не считаю, что если я гражданин Украины, то я не заслуживаю права на жизнь», — сказал он.

Он добавил, что у него не осталось близких, кроме пожилого отца в Мелитополе, и попросил отправить его в колонию в Ростовской области или «хотя бы не увозить меня далеко, так как у моего отца в связи с

возрастом и здоровьем не будет возможности далеко ехать». «А мне очень хотелось бы хотя бы один раз увидеть отца», — закончил Зарубаев. Он выразил надежду на «справедливое решение, несмотря на все, что происходит в мире».

Нестеренко назвал запрошенный прокурором срок «максимальным перебором»: «Года два и все, до свидания, ребята — ну это если с моей точки зрения судить, за то, что я ничего не сделал на самом-то деле». Доказательства обвинения, настаивал Нестеренко, показали только «полнейшее отсутствие логики в процессе судебного следствия». Он попросил о «справедливом приговоре».

Два часа спустя судья назначил Зарубаеву 24 года, а Нестеренко — 23 года лишения свободы. Первые 6 лет они будут отбывать в тюрьме, остаток срока — в колонии строгого режима. Кроме того, обоим осужденным назначили 1 млн рублей штрафа. Как и просил прокурор, у них конфисковали по 10 тысяч гривен — 16 422 рубля.

В прениях он предлагал, чтобы услуги первых адвокатов по назначению оплатили сами Зарубаев и Нестеренко. «А как я могу им заплатить, если я иностранный гражданин? Это же считается вообще статьей для адвоката. Рядом со мной будут сидеть...» — удивился Нестеренко. Суд в итоге решил, что работу защитников нужно оплатить за счет федерального бюджета.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. На тот момент.
2. На тот момент.
3. В октябре 2022 года — 15-17 тысяч рублей.
4. Дело против них выделили в отдельное производство 27 июля 2023 года.
5. Кто скрывался за этими псевдонимами, неизвестно. В этом тексте «Медиазона» склоняет имена «Фокси» и «Мара» как женские, однако это не означает, что их обладатели обязательно женщины.
6. В 2013 году украинский суд приговорил Нестеренко к 10 годам колонии по статьям о разбое и покушении на убийство.
7. Согласно обвинению, также использовалось приложение culator Vault, которое маскирует другие приложения или папки под обычный калькулятор.
8. Из обвинения неясно, когда и где Нестеренко мог их приобрести.
9. Пластичная взрывчатка на основе гексогена.
10. Часть 4 статьи 205.2 УК.
11. Пункты «а», «в» части 2 статьи 205 УК.
12. Часть 3 статьи 223.1 УК.
13. Часть 4 статьи 222.1 УК.
14. Часть 4 статьи 222 УК.
15. Пункт «а» части 2 статьи 205 УК.
16. Часть 4 статьи 205.2 УК.
17. Часть 3 статьи 223.1 УК.
18. Часть 4 статьи 222.1 УК.
19. Часть 1 статьи 361 УК.
20. Часть 1 статьи 361 УК.
21. Часть 4 статьи 222 УК.
22. Российская армия заняла Мелитополь уже 25-26 февраля 2022 года.
23. Российская армия заняла Мелитополь уже 25-26 февраля 2022 года.
24. Согласно приговору, будучи 16-летним подростком, Нестеренко пьяным через окно залез в квартиру к родственнице, бросил в нее нож и дважды ударил по голове молотком, а потом попытался задушить подушкой ее ребенка. Сам Нестеренко не признавал вину и говорил, что в милиции его избили и заставили подписать явку с повинной.

25. Девочка родилась 25 октября 2022 года, когда Нестеренко уже был задержан.

26. По словам Зарубаева, восстанавливаться он начал только в январе-феврале 2023 года.

27. Современное название — Мелитопольский строительный центр профессионально-технического образования.

28. По словам Зарубаева, никто, кроме силовиков, включая его отца, этой взрывчатки не видел.

29. В суде Зарубаев назвал инициалы Артеменко —Е.А.. Вероятно, речь идет об адвокате Евгении Артеменко. По словам Зарубаева, в Украине на него заведено уголовное дело. «Медиазоне» не удалось проверить эту информацию.

30. Телефонов.

31. В материалах дела есть справки из УМВД по Запорожской области, согласно которой у обоих подсудимых нет разрешения на оружие.

32. В материалах дела есть справки из МВД в Запорожской области, согласно которой у обоих нет на это разрешения.

33. В материалах дела есть справки из МВД в Запорожской области, согласно которой у обоих нет на это разрешения.

34. В материалах дела есть справки из МВД в Запорожской области, согласно которой у обоих нет на это разрешения.